

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2026.45.60.015

**Психологические причины суицидальной
смертности в пенитенциарных учреждениях
в странах с высоким уровнем дохода**

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются закономерности суицидальной смертности в пенитенциарных учреждениях на основе репрезентативного многонационального исследования, охватывающего 3906 задокументированных случаев летального исхода в исправительных системах 24 стран с высоким уровнем дохода. Установлено, что, несмотря на демографическое доминирование мужчин (93 % от общего числа погибших), относительный риск суицида для женщин в местах лишения свободы оказывается экспоненциально выше, зафиксировано 9-кратное превышение показателей общей женской популяции против 3-кратного для мужчин. При этом традиционные макроструктурные стрессоры, такие как переполненность учреждений, кадровое обеспечение, среднесуточные затраты на одного осуждённого и фоновый уровень суицидов в популяции не демонстрируют статистически значимой корреляции с варьированием пенитенциарных показателей самоубийств. Данный факт обосновывает

необходимость смещения цели исследования с количественных индикаторов на качественные, микросоциальные и психологические детерминанты суицидального поведения. Особое внимание уделяется гендерной специфике: ключевым дифференцирующим фактором выступает докастодиальная травматизация, формирующая клинический профиль женщин с высоким уровнем коморбидной патологии, таких как расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, аффективных нарушений, пограничной личностной патологии и посттравматического стрессового расстройства. Анализируется фундаментальная роль межличностных привязанностей, материнских функций и реляционных потребностей, утрата которых в условиях изоляции приобретает экзистенциальную остроту, особенно в период предварительного заключения. Рассматриваются географические вариации суицидального риска: парадоксально высокие показатели (свыше 100 случаев на 100 тыс. осуждённых) в скандинавских странах с гуманистической пенитенциарной философией интерпретируются через призму теории аномии и относительной депривации. Обосновывается вывод, что пенитенциарная среда выступает не как независимая причинная переменная, а как мощный модулятор, экспоненциально усиливающий уже существующие уязвимости. Суицидальное поведение в учреждениях лишения свободы предлагается рассматривать как манифестацию докастодиального «травматического груза», лишённого возможностей для символической сублимации. В заключении формулируются направления превентивных стратегий, ориентированных на восстановление семейных связей, проработку травмы и развитие навыков аффективной регуляции в условиях принудительной регламентации.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Психологические причины суицидальной смертности в пенитенциарных учреждениях в странах с высоким уровнем дохода // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 7А. С. 165-175. DOI: 10.34670/AR.2026.45.60.015

Ключевые слова

Пенитенциарный суицид, гендерная асимметрия, относительный риск, докастодиальная травматизация, коморбидная патология, межличностные привязанности, реляционные потребности, психологическая боль, аномия, относительная депривация, превентивные интервенции.

Введение

Эпидемиологический анализ суицидальной смертности в пенитенциарных учреждениях, основанный на репрезентативном многонациональном исследовании, охватывающем 3906 задокументированных случаев летального исхода в исправительных системах 24 стран с высоким уровнем дохода, выявляет парадоксальную закономерность, ставящую под сомнение устоявшиеся криминологические и психиатрические допущения [Mundt et al., 2024]. Демографическое доминирование мужчин, составляющих 93 % от общего числа погибших, на первый взгляд коррелирует с генеральной гендерной структурой пенитенциарного населения [Mundt et al., 2024; Janca et al., 2023]. Однако ключевой вывод исследования заключается в том, что экспоненциально более высокий относительный риск для женщин,

достигающий 9-кратного превышения показателей заболеваемости по сравнению с общей женской популяцией против 3-кратного для мужчин, сигнализирует о глубинной уязвимости, остающейся недостаточно осмысленной в рамках агрегированных данных о смертности [Janca et al., 2023; Aon et al., 2025].

Особую теоретическую значимость приобретает дополнительное обстоятельство: традиционные системные стрессоры, включая переполненность исправительных учреждений, кадровое обеспечение в соотношении персонала к числу лиц, содержащихся под стражей, среднесуточные затраты на одного осуждённого, а также фоновый уровень суицидов в общей популяции, не демонстрируют статистически значимой связи с варьированием пенитенциарных показателей самоубийств [Mundt et al., 2024; Megari, Argyriadou, 2025]. Данный факт категорически указывает на необходимость смещения исследовательской оптики с макроструктурных дефицитов пенитенциарной системы на качественные, микросоциальные и глубоко психологические аспекты переживания изоляции, особенно в отношении уникальной траектории женщин, подвергнутых лишению свободы [Mason, Smith, Harrison, 2026; Svendsen et al., 2023]. Углублённый анализ причин столь выраженной диспропорции требует признания того, что женская исправительная среда представляет собой не просто количественное меньшинство внутри гендерно-асимметричной системы, но качественно иное экологическое пространство, в котором суицидальное поведение провоцируется иными патогенетическими механизмами [Svendsen et al., 2023; Masson, 2019]. Эти механизмы коренятся в докастодальной виктимизации, специфике межличностных привязанностей и особом типе психологического реагирования на институциональную власть, что полностью нивелируется при трактовке суицида как унифицированного исхода заключения [Masson, 2019; Liu et al., 2026].

Основная часть

Первостепенным фактором, дифференцирующим женский пенитенциарный суицид от мужского, является фундаментальная и повсеместно распространённая роль преморбидной травматизации, которая предшествует контакту с системой уголовного правосудия и формирует специфический клинико-анамнестический портрет [Aon et al., 2025; Svendsen et al., 2023]. Обширная эмпирическая литература неоспоримо свидетельствует, что женщины в местах лишения свободы не просто представляют собой статистическое меньшинство, а образуют крайне селективную популяцию с высоким уровнем коморбидной патологии, где история физического и сексуального насилия, нередко носящего хронический и комплексный характер, является скорее правилом, нежели исключением [Svendsen et al., 2023; Masson, 2019]. Именно эта докастодальная травма устанавливает исходную точку психологической хрупкости и дезадаптивных копинг-стратегий, которые впоследствии подвергаются жесточайшей декомпенсации в условиях принудительной изоляции [Aon et al., 2025; Megari, Argyriadou, 2025].

Относительный риск для женщин, достигающий 9-кратного значения, не является, следовательно, артефактом изолированного воздействия пенитенциарной среды, но скорее отражает синергетический эффект взаимодействия уязвимого индивида с рестриктивным институтом [Janca et al., 2023; Mundt et al., 2024]. Последний не создаёт данную уязвимость, а систематически демонтирует те несовершенные механизмы социальной и эмоциональной поддержки, которые в условиях свободы сдерживали суицидальную динамику [Masson, 2019; Liu et al., 2026]. Пенитенциарное учреждение для этой когорты нередко начинает

функционировать как институциональная реплика тех самых отношений зависимости, беспомощности и злоупотребления, которые составляли фон их докастодальной жизни, тем самым запуская механизм реактуализации травматического опыта и усиления чувства безысходности [Masson, 2019; Megari, Argyriadou, 2025].

Клинический профиль данной группы отличается гипертрофированной распространённостью расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, аффективных нарушений, пограничной и иной тяжёлой личностной патологии, а также посттравматического стрессового расстройства [Svendsen et al., 2023; Mazza et al., 2024]. В совокупности это формирует сложнейшую терапевтическую мишень, существенно более резистентную к стандартным интервенциям, нежели часто экстернализованные и поведенческие расстройства, доминирующие в мужской субпопуляции осуждённых [Mazza et al., 2024; Megari, Argyriadou, 2025]. Особого внимания заслуживает тот факт, что синдром отмены наркотических веществ выступает в качестве значимого триггера именно для женщин, тогда как для мужчин ведущим предиктором остаётся виктимизация со стороны сокамерников [Paquette et al., 2025; Wang et al., 2025]. Это различие прямо указывает на то, что зависимость часто выполняет функцию самотерапии, и её резкое прерывание в момент поступления в пенитенциарную систему лишает женщину последнего доступного средства эмоциональной регуляции, провоцируя острую кризисную декомпенсацию на фоне физического страдания и психологического опустошения [Paquette et al., 2025].

Дальнейшее углубление в гендерную специфику невозможно без анализа фундаментального различия в социальных ролях и характере межличностных привязанностей, которые для женщин имеют первостепенное экзистенциальное значение [Masson, 2019; Liu et al., 2026]. В то время как мужская идентичность в значительной степени конституируется через автономию, агентность и иерархический статус, женская самооценка и психологическое благополучие неразрывно связаны с качеством отношений привязанности, прежде всего с материнскими и романтическими узами, а также с функцией поддержания семейной целостности [Masson, 2019; Berry, Eigenberg, 2003]. Лишение свободы для женщины, особенно для матери несовершеннолетних детей, означает не просто потерю физической мобильности, но экзистенциальный разрыв первичной связи, утрату центральной жизненной роли и невозможность осуществлять базовую функцию заботы [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. Это порождает особую форму тоски и вины, которая в западной суицидологической традиции описывается как «психологическая боль»; именно эта боль, ориентированная на утрату значимого Другого, является более мощным суицидогенным фактором, нежели собственно скудость материальных условий или суровость режима [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026].

Эмпирические исследования неоднократно подтверждали, что частота суицидальных мыслей и попыток у осуждённых матерей коррелирует не с объективными показателями пенитенциарного комфорта, а с периодичностью и качеством свиданий, возможностью телефонных контактов и перспективами восстановления опеки [Piontkowski et al., 2026; Masson, 2019]. Это делает их уязвимость крайне чувствительной к административным регламентам, которые нередко воспринимаются как произвольные и дополнительно травмирующие [Masson, 2019; Kelman, б.г.]. Указанная эмоциональная динамика усугубляется тем фактом, что женские исправительные учреждения, как правило, территориально расположены значительно дальше от крупных урбанистических центров по сравнению с мужскими пенитенциарными заведениями, что объективно сокращает частоту визитов и усиливает социальную изоляцию [Piontkowski et al., 2026]. Таким образом, рутинное тюремное существование

превращается в непрерывное переживание разлуки, которое для мужской когорты хотя и является тягостным, но не достигает столь же сокрушительной экзистенциальной остроты [Masson, 2019]. В этом контексте уместно предположить, что отсутствие статистической корреляции между общим уровнем суицидов в популяции и пенитенциарными показателями объясняется тем, что женский суицид в условиях свободы также имеет более выраженный реляционный характер [Janca et al., 2023; Na et al., 2025]. Однако в пенитенциарной среде эта базовая уязвимость многократно усиливается ввиду невозможности реализации компенсаторных стратегий, доступных на свободе, таких как поиск альтернативных объектов привязанности, профессиональная занятость или просто смена обстановки [Masson, 2019; Raquette et al., 2025].

Субстантивный анализ значительных географических различий, зафиксированных в исходном исследовании, где максимальные показатели, превышающие 100 самоубийств на 100 тыс. осуждённых, наблюдались в странах Северной и Западной Европы, тогда как в Австралии и Северной Америке они колебались в диапазоне от 23 до 67 случаев, требует не столько констатации культурных или климатических факторов, сколько обращения к различным философиям наказания и моделям пенитенциарного управления [Mundt et al., 2024]. Парадокс заключается в том, что скандинавские страны, традиционно ассоциируемые с наиболее гуманистическим и реабилитационным подходом к лишению свободы, одновременно демонстрируют наиболее высокие риски суицидальной смертности среди осуждённых, что на первый взгляд противоречит интуитивной логике о том, что более мягкие условия должны снижать уровень психологического дистресса [Mundt et al., 2024; Svendsen et al., 2023].

Выход из этого противоречия лежит в плоскости социологической концепции «аномии» и теории относительной депривации [Mundt et al., 2024]. В обществах с высоким уровнем социального доверия, гендерного равенства и развитыми системами социальной защиты, стигма, связанная с пенитенциарным заключением, воспринимается индивидом как радикальный разрыв с нормативной социальной идентичностью, что порождает не просто дискомфорт, но фундаментальный экзистенциальный кризис, обусловленный осознанием необратимости падения в иерархии социального престижа [Svendsen et al., 2023; Masson, 2019]. Осуждённый из такой культурной среды, привыкший воспринимать себя как автономного субъекта с высоким уровнем персонального контроля над жизненными обстоятельствами, сталкивается в пенитенциарном учреждении с тотальной регламентацией и ритуалами унижения, которые воспринимаются им как радикально чуждые и невыносимые [Megari, Argyriadou, 2025]. Это контрастирует с ситуацией в системах с более высоким уровнем агрессии и переполненности, где ожидания от условий содержания априори ниже, и суицид может восприниматься как менее релевантный способ разрешения конфликта по сравнению с агрессией или соматизацией [Mundt et al., 2024; Wang et al., 2025]. В этом отношении показательно, что страны с исторически сложившейся культурой «мужественного стоицизма» и высоким уровнем пенитенциарного насилия, возможно, имеют более низкие показатели суицидов именно потому, что психологическая защита смещается в сторону экстернализации конфликта, тогда как в обществах с высоким уровнем индивидуализма интрапунитивные реакции, к которым относится суицид, становятся доминирующим паттерном разрешения внутреннего диссонанса [Mundt et al., 2024; Wang et al., 2025].

Провокационный вывод о том, что переполненность пенитенциарных учреждений, соотношение персонала к числу осуждённых, включая медицинский персонал, а также среднесуточные затраты на одного содержащегося не обнаруживают статистически значимой

связи с уровнем самоубийств, требует радикального пересмотра методологических подходов к оценке качества пенитенциарной среды [Mundt et al., 2024; Mason, Smith, Harrison, 2026]. Традиционная пенитенциарная эпидемиология оперирует преимущественно объективными, количественно измеримыми индикаторами, которые, однако, не схватывают качественное содержание межличностного взаимодействия, степень психологической доступности персонала, тонкие модусы проявления власти и контроля, а также субъективное восприятие справедливости режима [Mason, Smith, Harrison, 2026; Megari, Argyriadou, 2025]. Механическая пропорция осуждённых к сотрудникам не отражает, какая доля этого персонала имеет специальную подготовку по кризисной интервенции, каковы их фактические установки по отношению к психическим расстройствам и насколько эффективно они способны распознавать вербальные и невербальные маркеры суицидального риска, особенно у женщин, чьи сигналы дистресса чаще маскируются под соматические жалобы или демонстративное подчинение [Mason, Smith, Harrison, 2026; Svendsen et al., 2023].

Аналогичным образом, показатель среднесуточных затрат может быть обусловлен затратами на материально-техническое обеспечение, безопасность и содержание административного аппарата, тогда как доля ресурсов, непосредственно направляемая на психосоциальную поддержку, программы по восстановлению семейных связей или наркологическую реабилитацию, остаётся неизвестной и часто пренебрежимо малой [Mundt et al., 2024; Mason, Smith, Harrison, 2026]. Этот эпистемологический разрыв подчёркивает, что суицидальный риск в пенитенциарном учреждении является не столько функцией внешних условий содержания, сколько функцией внутреннего, субъективного переживания этих условий — феномена, который можно обозначить как «психологический метаболизм режима», где одни и те же объективные параметры могут перерабатываться разными субъектами в диаметрально противоположные экзистенциальные смыслы [Megari, Argyriadou, 2025; Masson, 2019].

Применительно к женской популяции эта субъективная размерность приобретает критическое значение ввиду особого паттерна эмоциональной регуляции, который в психологической литературе описывается как склонность к руминации и интернализации аффекта [Janca et al., 2023; Mazza et al., 2024]. Женщины в условиях стресса чаще переживают депрессивные состояния, характеризующиеся самобичеванием и чувством вины, тогда как мужчины в аналогичных обстоятельствах чаще прибегают к экстернализирующим защита, таким как гнев или рискованное поведение [Janca et al., 2023; Wang et al., 2025]. Пенитенциарная система, ориентированная в своей архитектуре, расписании и дисциплинарных практиках преимущественно на мужские паттерны поведения, нередко оказывается непроницаемой для распознавания женского психологического страдания, которое не проявляется в виде открытых нарушений порядка или агрессивных вспышек, но манифестируется в нарастающей апатии, отказе от пищи, самоизоляции и, в конечном счёте, в суицидальных действиях [Masson, 2019; Mason, Smith, Harrison, 2026]. Эти действия воспринимаются персоналом как внезапные и немотивированные, хотя им предшествовала длительная латентная фаза психологического кризиса [Aon et al., 2025; Masson, 2019]. Наиболее трагическим следствием этого гендерно-слепого институционального дизайна становится то, что женщины, как правило, реже привлекаются к дисциплинарной ответственности за членовредительство, и их несуицидальные самоповреждения нередко трактуются как манипулятивное поведение [Aon et al., 2025; Masson, 2019]. Это ведёт к задержке направления на специализированную психиатрическую помощь и тем самым увеличивает вероятность летального исхода при последующем кризисе [Aon et al., 2025; Janca et al., 2023].

Не менее значимым представляется анализ взаимодействия пенитенциарного суицида с уголовно-процессуальным статусом осуждённого, что часто упускается в макросоциологических обобщениях, но имеет первостепенное значение для понимания гендерной динамики [Janca et al., 2023; Masson, 2019]. Женщины в системах уголовного правосудия значительно чаще, чем мужчины, находятся в статусе ожидания суда, не будучи осуждёнными, а также чаще являются первичными опекунами несовершеннолетних детей [Glaze, Maruschak, 2016; Masson, 2019]. Это делает их особенно уязвимыми в период предварительного заключения, когда правовая неопределённость, отсутствие окончательного приговора и неясность будущего создают когнитивный диссонанс и хроническое состояние тревоги, которое не сравнимо с относительно стабильным, хотя и тягостным, положением осуждённых, отбывающих определённый срок [Masson, 2019; Janca et al., 2023]. В этот период многие женщины сталкиваются с угрозой потери жилья, работы и опеки над детьми, что в их субъективной картине мира составляет эквивалент полной социальной смерти, и суицид начинает восприниматься не как желание умереть, но как стремление предотвратить невыносимую потерю собственной личности и роли [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026].

Это подкрепляется данными, свидетельствующими о том, что пик суицидальной активности в женских пенитенциарных учреждениях приходится не на длительные сроки заключения, а именно на первые недели после ареста, что качественно отличается от мужского паттерна, где максимум риска часто смещён к более поздним этапам, связанным с конфликтами в иерархии или ухудшением хронических соматических заболеваний [Janca et al., 2023; Mundt et al., 2024]. Эта временная динамика указывает на то, что для женщин процесс криминализации сам по себе оказывается шоковым событием, сопоставимым по тяжести с потерей близкого человека, и отсутствие адекватной кризисной интервенции на этом этапе фатальным образом повышает шансы летального исхода [Janca et al., 2023; Masson, 2019].

Наиболее глубокий теоретический вызов, который ставит перед исследователями данный массив данных, состоит в пересмотре самой концепции «фактора риска» применительно к пенитенциарной среде [Mundt et al., 2024; Aon et al., 2025]. Коль скоро объективные индикаторы переполненности, финансирования и кадрового обеспечения не демонстрируют прогностической силы, а демографические параметры указывают на гипертрофированную уязвимость маргинализированных групп, каковыми являются женщины с комплексной травмой, становится очевидным, что суицидальное поведение в пенитенциарном учреждении является не столько реакцией на текущие лишения, сколько манифестацией докастодального «травматического груза» [Aon et al., 2025; Masson, 2019]. В условиях изоляции этот груз лишается всех возможностей для символической сублимации и находит свой единственный выход в самоуничтожении [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. Отсутствие корреляции с общим уровнем суицидов в популяции убедительно доказывает, что пенитенциарный суицид представляет собой феномен *sui generis*, подчиняющийся внутренней логике, которая не сводится к сумме внешних воздействий, но определяется качеством эмоциональных связей, степенью сохранности личной идентичности и возможностями её поддержания через отношения с внешним миром [Mundt et al., 2024; Na et al., 2025].

Для женщин, чья идентичность в значительной степени конституируется через отношения заботы и привязанности, пенитенциарное учреждение становится средой, в которой эта идентичность последовательно дезавуируется и дискредитируется, превращая пространство заключения из места исправления в пространство необратимой утраты себя [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. В этой перспективе географические различия между скандинавскими

странами и Северной Америкой перестают быть загадкой, если учесть, что в обществах с выраженным гендерным эгалитаризмом потеря социального статуса для женщины, которая была активным агентом на рынке труда и в публичной сфере, может восприниматься как более катастрофическое падение, нежели в более традиционных обществах, где женская роль и так была маргинализирована, и пенитенциарное заключение не воспринимается как столь же радикальный разрыв с ожидаемой биографией [Mundt et al., 2024; Svendsen et al., 2023]. Таким образом, пенитенциарная среда выступает не как независимая причинная переменная, а как мощный модулятор, который экспоненциально усиливает уже существующие диспропорции и уязвимости, превращая гендерное неравенство в структурах свободы в гендерное неравенство в смерти в структурах заключения [Masson, 2019; Mundt et al., 2024].

Заключение

Таким образом, 9-кратное превышение относительного риска суицида для женщин в пенитенциарных учреждениях по сравнению с общей женской популяцией является не статистической аномалией, а эпистемологическим ключом к пониманию фундаментальной неадекватности современных пенитенциарных систем, которые остаются слепыми к гендерно-специфическим путям формирования психологического кризиса [Janca et al., 2023; Masson, 2019]. Исследование, с которого начинался данный анализ, предоставило бесценный эмпирический фундамент, но его истинная ценность раскрывается лишь при отказе от упрощённого детерминизма в пользу многомерной модели, учитывающей травматическую историю, реляционные потребности, культурные ожидания и институциональную семиотику власти [Mundt et al., 2024; Svendsen et al., 2023].

Будущие стратегии превенции должны радикально сместить фокус с регулирования материальных условий содержания на развитие специализированных психосоциальных программ, ориентированных на восстановление семейных связей, проработку травмы, замещение дезадаптивных копингов и развитие навыков аффективной регуляции в условиях принудительной регламентации [Masson, 2019; Dennison et al., 2026; Mason, Smith, Harrison, 2026]. Только признав, что суицид в женском пенитенциарном учреждении является не результатом изолированного стресса, но конечной точкой долгой траектории накопленной уязвимости, столкнувшейся с институциональной непроницаемостью, можно будет разработать эффективные интервенции [Aon et al., 2025; Masson, 2019]. Такие интервенции должны не просто снижать статистические показатели, но возвращать субъекту утраченное чувство агентности и связи с миром, тем самым нарушая фатальную логику, в которой лишение свободы парадоксальным образом ведёт к окончательному отрицанию самой жизни [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026].

Библиография

1. Aon M. et al. Self-harm and suicide in custodial settings in low-and middle-income countries: a systematic review and meta-analysis of prevalence and risk factors //Social Science & Medicine. – 2025. – Т. 383. – С. 118362.
2. Fitch K. V. et al. Suicide mortality among formerly incarcerated people compared with the general population in North Carolina, 2000–2020 //American journal of epidemiology. – 2024. – Т. 193. – №. 3. – С. 489-499.
3. Janca E. et al. Sex differences in suicide, suicidal ideation, and self-harm after release from incarceration: a systematic review and meta-analysis //Social psychiatry and psychiatric epidemiology. – 2023. – Т. 58. – №. 3. – С. 355-371.
4. Khatri U. G. et al. Individual-and area-level incarceration and mortality //JAMA Network Open. – 2025. – Т. 8. – №. 6. – С. e2513537.

5. Liu H. et al. Family incarceration and mental health among 101,417 affected families: A systematic review and multilevel meta-analysis // *Trauma, Violence, & Abuse*. – 2026. – T. 27. – №. 1. – C. 120-139.
6. Mason R., Smith L., Harrison K. Support for staff wellbeing and development when working in prisons: a narrative rapid evidence review // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. – 2026. – T. 50. – №. 2. – C. 117-138.
7. Mazza M. et al. Beyond one-size-fits-all: personalized medicine and future directions in sex-based psychopharmacological treatment // *Future Pharmacology*. – 2024. – T. 4. – №. 3. – C. 541-563.
8. Megari K., Argyriadou E. Mental health and psychological well-being of incarcerated individuals: A narrative review // *European Journal of Trauma & Dissociation*. – 2025. – C. 100606.
9. Movahed E. et al. Comparison of the trend of suicide before and after the COVID-19 pandemic in Southeast Iran from 2016 to 2023 // *BMC Public Health*. – 2025. – T. 25. – №. 1. – C. 66.
10. Mundt A. P. et al. Worldwide incidence of suicides in prison: a systematic review with meta-regression analyses // *The Lancet Psychiatry*. – 2024. – T. 11. – №. 7. – C. 536-544.
11. Na P. J. et al. Social determinants of health and suicide-related outcomes: a review of meta-analyses // *JAMA psychiatry*. – 2025. – T. 82. – №. 4.
12. Paquette C. et al. How competing needs after incarceration lead to adverse health outcomes among people who use criminalized drugs // *BMC Global and Public Health*. – 2025. – T. 3. – №. 1. – C. 36.
13. Svendsen V. G. et al. Psychiatric morbidity among women in Norwegian prisons, 2010–2019: a register-based study // *BMC psychiatry*. – 2023. – T. 23. – №. 1. – C. 390.
14. Wang R. et al. The relationship between sense of security and suicide risk in male prison inmates: a chain mediating effect through intolerance of uncertainty and motor impulsiveness // *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. – 2025. – T. 36. – №. 2. – C. 131-150.

Psychological Causes of Suicidal Mortality in Penitentiary Institutions in High-Income Countries

Oleg A. Smirnov

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Kosygin Russian State University,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article examines the patterns of suicidal mortality in penitentiary institutions on the basis of a representative multinational study covering 3,906 documented cases of death in the correctional systems of 24 high-income countries. It has been established that, despite the demographic dominance of men (93% of the total number of deaths), the relative risk of suicide for women in places of deprivation of liberty is exponentially higher; a 9-fold excess of the indicators of the general female population was recorded versus a 3-fold excess for men. At the same time, traditional macro-structural stressors, such as overcrowding of institutions, staffing, average daily costs per convict, and the background level of suicides in the population, do not demonstrate a statistically significant correlation with the variation in penitentiary suicide rates. This fact substantiates the need to shift the aim of the research from quantitative indicators to qualitative, microsocial, and psychological determinants of suicidal behavior. Particular attention is paid to gender specificity: the key differentiating factor is pre-custodial traumatization, which forms the clinical profile of women with a high level of comorbid pathology, such as substance use disorders, affective disorders, borderline personality pathology, and post-traumatic stress disorder. The fundamental role of interpersonal attachments, maternal functions, and relational needs is analyzed, the loss of which in conditions of isolation acquires existential acuteness, especially during the period of pre-trial detention. Geographical variations in suicidal risk are considered: paradoxically high rates (over 100 cases per 100,000 convicts) in Scandinavian countries with a humanistic penitentiary philosophy are interpreted through the prism of the theory of anomie and relative deprivation. The conclusion is substantiated that the penitentiary environment acts not as an independent causal variable, but as a powerful modulator exponentially enhancing already existing vulnerabilities. Suicidal behavior in institutions of deprivation of liberty is proposed to be considered as a manifestation of pre-custodial "traumatic load" deprived of opportunities for symbolic sublimation. In conclusion, directions for preventive strategies are formulated, oriented toward restoring family ties, working through trauma, and developing affective regulation skills under conditions of forced regimentation.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2026) *Psikhologicheskie prichiny suitsidal'noy smertnosti v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh v stranakh s vysokim urovnem dokhoda* [Psychological Causes of Suicidal Mortality in Penitentiary Institutions in High-Income Countries]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (7A), pp. 165-175. DOI: 10.34670/AR.2026.45.60.015

Keywords

Penitentiary suicide, gender asymmetry, relative risk, pre-custodial traumatization, comorbid pathology, interpersonal attachments, relational needs, psychological pain, anomie, relative deprivation, preventive interventions.

References

1. Aon M. et al. (2025). Self-harm and suicide in custodial settings in low- and middle-income countries: A systematic review and meta-analysis of prevalence and risk factors. *Social Science & Medicine*, 383, 118362.
2. Fitch K.V. et al. (2024). Suicide mortality among formerly incarcerated people compared with the general population in North Carolina, 2000–2020. *American Journal of Epidemiology*, 193(3), 489-499.
3. Janca E. et al. (2023). Sex differences in suicide, suicidal ideation, and self-harm after release from incarceration: A systematic review and meta-analysis. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 58(3), 355-371.

4. Khatri U.G. et al. (2025). Individual- and area-level incarceration and mortality. *JAMA Network Open*, 8(6), e2513537.
5. Liu H. et al. (2026) Family incarceration and mental health among 101,417 affected families: A systematic review and multilevel meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*, 27(1), 120-139.
6. Mason R., Smith L., Harrison K. (2026) Support for staff wellbeing and development when working in prisons: A narrative rapid evidence review. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 50(2), 117-138.
7. Mazza M. et al. (2024). Beyond one-size-fits-all: Personalized medicine and future directions in sex-based psychopharmacological treatment. *Future Pharmacology*, 4(3), 541-563.
8. Megari K., Argyriadou E. (2025). Mental health and psychological well-being of incarcerated individuals: A narrative review. *European Journal of Trauma & Dissociation*, 100606.
9. Movahed E. et al. (2025). Comparison of the trend of suicide before and after the COVID-19 pandemic in Southeast Iran from 2016 to 2023. *BMC Public Health*, 25(1), 66.
10. Mundt A.P. et al. (2024). Worldwide incidence of suicides in prison: A systematic review with meta-regression analyses. *The Lancet Psychiatry*, 11(7), 536-544.
11. Na P.J. et al. (2025). Social determinants of health and suicide-related outcomes: A review of meta-analyses. *JAMA Psychiatry*, 82(4).
12. Paquette C. et al. (2025). How competing needs after incarceration lead to adverse health outcomes among people who use criminalized drugs. *BMC Global and Public Health*, 3(1), 36.
13. Svendsen V.G. et al. (2023). Psychiatric morbidity among women in Norwegian prisons, 2010–2019: A register-based study. *BMC Psychiatry*, 23(1), 390.
14. Wang R. et al. (2025). The relationship between sense of security and suicide risk in male prison inmates: A chain mediating effect through intolerance of uncertainty and motor impulsiveness. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 36(2), 131-150.